

Платье оказалось нежно-розовым: кружевной бант, шнуровка на талии и пышная многоярусная юбка — «тортик», как называют такой фасон, — а по подолу свисали кристаллы Swarovski, сшитые на заказ.

Шэнь Сюйбай выкроил на это своё драгоценное время: долго обсуждал с дизайнером каждую мелочь, выдвигая требование за требованием.

Процесс выглядел примерно так: эскиз — на переделку — исправить — снова на переделку — исправить — опять на переделку — доработать ещё — и наконец господин Шэнь изрёк: «Пожалуй, вернёмся к первому варианту».

Дизайнер несколько ночей не мог нормально спать от злости, а господин Шэнь одним взмахом руки просто выкупил все переработанные эскизы целиком.

При этом заявил, что в дизайне не разбирается, но труд дизайнера уважает.

Дизайнер:

«Что-нибудь ещё переделать, господин Шэнь?» (□▽□)

В итоге платье, сшитое на заказ, стало подарком для Гу Се.

Конечно, Шэнь Сюйбай не собирался отделяться от детского дня рождения одним платьем — оно было лишь одной из многих вещей, помимо машины, дома и акций компании.

На торжество изначально рвались приехать многие его друзья по стране, но он побоялся напугать Гу Се и отказал им — впрочем, подарки от них всё равно прислали в избытке.

Шэнь Сюйбай сказал Гу Се:

— Как только малыш освоится, дядя познакомит тебя со многими людьми. Ты узнаешь, что на свете есть не только злодеи вроде семей Лу и Гу — хороших людей куда больше.

Глядя издали на покрасневшего, смущённого ребёнка, Фу Тин потягивал шампанское и говорил Цинь Сюню:

— Неудивительно, что из всех нас преуспел только он. Умеет же вешать лапшу на уши.

Доктор Цинь бросил в бокал несколько ягод годжи и коротко согласился:

— Угу.

— Отравленное яблоко в медовой глазури. Хотя, будь я на его месте, тоже бы не отказался попробовать.

Два друга детства, выросшие вместе с Шэнь Сюйбаем, переглянулись и без слов умолкли. Оба знали: если Шэнь Сюйбай к кому-то хорошо относится, за это всегда приходится платить.

Уговорами вперемешку с маленькими хитростями Шэнь Сюйбай всё же уломал Гу Се надеть платье.

Сейчас в голове мальчика крутилась одна мысль: лишь бы дядя был доволен, а на что угодно он готов. Так что переоделся он без малейших колебаний.

Черты лица у Гу Се были тонкими и выразительными, а с накладными волосами и заячьими ушками на голове, да ещё при обычном для него бесстрастном выражении — почти без тени милых гримас — выглядел он одновременно холодно и эффектно.

Шэнь Сюйбай подумал: родители у мальчика так себе, зато с генетикой по части внешности им повезло на славу. Не удержавшись, он потёрся щекой о мягкую детскую щёчку.

— Малыш, сколько ещё сюрпризов ты от меня скрываешь?

Гу Се покраснел, точно спелое яблоко, но замер и позволил дяде тереться сколько угодно.

Дядя Чжоу привычным движением выудил из кармана камеру и принялся снимать со всех ракурсов — не упустив, разумеется, и этот момент.

Он умилённо улынулся: ах, до чего трогательная сцена!

Шэнь Сюйбай тем временем ещё и режиссировал процесс:

— Да-да, вот так встань, малыш, ты неотразим!

А потом как бы между делом отправил снимок Фу Тину:

— Как думаешь, на нём это платье смотрится даже лучше, чем на твоей сестре?

— ?

Так вот зачем он вырядил Гу Се в платье — чтобы утереть кому-то нос!

Чёртово упрямство Шэнь Сюйбая и его вечная жажда доказать своё превосходство.

Но приходилось признать: черты лица у Гу Се и правда выдающиеся. Пока он маленький, мужские черты ещё не проступили — глубоко посаженные глаза с чёткой складкой век, прямой аккуратный нос и тонкие губы делали его лицо изящным и на удивление гармоничным.

А с накладными волосами он и вовсе походил на холодную маленькую красавицу.

Фу Тин не желал сдаваться и снова открыл фотоальбом, но спустя пару мгновений не выдержал:

— Чёрт, опять тебе повезло!

Шэнь Сюйбай уперся руками в бока и рассмеялся.

Глядя, как эти двое препираются, точно школьники, Цинь Сюнь беспомощно хмыкнул и, отведя взгляд, случайно заметил Гу Се.

Мальчик сидел ровно, будто аршин проглотил, и не отрывал взгляда от экрана телефона — там была девочка, младшая сестра Фу Тина, Фу Сюэ. Цинь Сюнь знал: Фу Сюэ с детства слыла умницей и ценилась в семье куда выше непутёвого старшего брата.

Он заметил, что пальцы Гу Се то и дело скребут собственное предплечье.

Предплечье?

Неужели так чешется?

Цинь Сюнь присмотрелся: по всей руке тянулись бледные полосы, и с каждым движением пальцев кожа краснела всё сильнее — ещё немного, и мальчик до крови расцарапал бы себя.

Взгляд вышел слишком прямым, и Гу Се это заметил: обернулся и посмотрел в упор. От одного этого взгляда у Цинь Сюня внутри всё оборвалось, накатило неясное чувство жути.

Чёрные, будто покрытые лаком глаза холодно блеснули, и рука Гу Се замерла.

Цинь Сюнь мысленно одёрнул себя — чего вообще бояться? — и подошёл, приняв заботливый вид взрослого:

— Тебя укусило насекомое? Может, нужна мазь от зуда?

Только теперь он разглядел на предплечье мальчика несколько красных полос от ногтей — впрочем, кожа осталась цела.

Гу Се одёрнул рукав и вежливо ответил:

— Ничего страшного. Наверное, просто воздух слишком сухой. Спасибо за заботу, дядя Цинь.

Цинь Сюнь с непонятным ощущением кивнул. Он помнил, каким Гу Се был при первой встрече: замкнутый, до крайности недоверчивый к чужакам, со склонностью к агрессии — явный недосмотр в раннем воспитании.

Но сейчас мальчик держался учтиво и воспитанно, да и в учёбе делал успехи — казалось, будто его и впрямь исправили.

Но ведь прошло всего несколько месяцев?

\*\*\*

Праздник закончился. Лицо Гу Се было перепачкано кремом от торта, и Шэнь Суйбай, взяв тёплое полотенце, терпеливо, мазок за мазком, стирал крем с детских щёк.

— Дядя, у семьи Фу есть младшая сестрёнка?

Шэнь Суйбай ответил на вопрос любопытного малыша:

— Да, это сестра твоего дяди Фу. Правда, она на год старше тебя.

Погладив гладкую щёчку Гу Се, он с улыбкой добавил:

— Она очень способная девочка. Как-нибудь при случае вас познакомлю.

Гу Се промолчал. Глаза его были неподвижны и спокойны, а в глубине зрачков отражалась крошечная фигурка Шэнь Суйбая.

Он не моргнул ни разу.

Его снова и снова точил один и тот же вопрос.

«Ведь были варианты и получше — почему он выбрал именно меня? Меня, брошенного, никому не нужного.

Почему?

Почему?

Почему?»

Тревога, подавленность, возбуждение — маленький Гу Се пока не понимал, отчего его захлёстывают эти странные чувства. Он лишь смотрел на Шэнь Сюйбая, позволяя его ауре заполнить всё вокруг и завладеть взглядом.

От этого становилось капельку легче.

Руки Шэнь Сюйбая не останавливались — он сосредоточенно вытирал крем, — но, заметив отрешённое выражение на детском лице, невольно замер.

— Какой же ты маленький, малыш.

Не удержавшись, он сжал ладонью подбородок мальчика — и всё лицо Гу Се смялось, точно пельмешек.

Шэнь Сюйбай рассмеялся от души:

— И личико маленькое.

Он ущипнул мальчика за обе щеки:

— И ротик маленький.

Странные чувства улетучились. По шее Гу Се разлился румянец, маленькие руки вцепились в запястье дяди — беспомощно и немного смущённо.

Но поделаться с дядей всё равно ничего было нельзя, и он лишь смотрел на него большими, обиженными глазами.

Позволял тискать и мять себя как угодно, а кончики ушей у него горели.

Когда Шэнь Сюйбай наконец всё вытер, от Гу Се всё равно веяло кремом, и требовалась ванна. Платье было скроено сложно, поэтому Шэнь Сюйбай сам расстегнул пуговицы и снял его сверху вниз.

В комнате работал кондиционер, так что холодно не было.

Видимо, оттого что раздеваться при Шэнь Сюйбае мальчику уже приходилось, смущения он почти не испытывал и спокойно позволил дяде рассмотреть себя без всякой одежды.

За несколько месяцев ребёнок заметно поправился — тонкий слой мышц затянул некогда острые кости, да и подрос немного. Только теперь Шэнь Сюйбай понял, что костяк у Гу Се вовсе не мелкий: откормить как следует — вырастет ещё лучше. Он окинул мальчика

довольным взглядом.

Гу Се не выдержал этого бесцеремонного разглядывания и прикрылся полотенцем.

— Дядя, я...

— начал он, но его перебил голос Шэнь Суйбая.

— И даже братишка у тебя маленький.

Выдав это меткое замечание, Шэнь Суйбай наблюдал, как лицо Гу Се мгновенно вспыхнуло. Мальчик долго сдерживался, но не выдержал и всё же возразил дяде.

— Я... я ещё вырасту.

Он вырастет — он всегда мечтал вырасти поскорее.

Шэнь Суйбай расхохотался, ничуть не щадя достоинства наследника — почти издевательски.

Гу Се, напрягшись лицом, упрямо выпалил:

— Я стану больше дяди!

Услышав такое смелое заявление, Шэнь Суйбай преспокойно спустил штаны и продемонстрировал доказательство, уперев руки в бока без малейшего стеснения.

— Малявка, тебе ещё расти и расти, чтобы догнать дядю.

Из-за особенностей организма Шэнь Суйбай не мог иметь детей, но на обычную жизнь это никак не влияло.

Гу Се, оценив разницу, мгновенно сник и притих, но про себя поклялся, что завтра выпьет на два стакана молока больше.

Раздразнив маленького наследника, Шэнь Суйбай самодовольно натянул штаны обратно — и только тогда заметил красные отметины на предплечье Гу Се. Нахмурившись, он спросил:

— Что с рукой?

Гу Се спокойно повторил прежнюю отговорку:

— Просто воздух слишком сухой, вот и чешется немного.

Шэнь Сюйбай не придавал этому особого значения, лишь наказал:

— Тогда после душа намажь руку кремом, не расчёсывай до крови.

Гу Се послушно кивнул и ушёл мыться, а Шэнь Сюйбай тем временем прибрал его портфель и с облегчением убедился, что спрятанный маячок так и не был обнаружен.

Затем, пользуясь отсутствием мальчика, украдкой заглянул в его тетради с домашними заданиями.

Заботливый родитель, шпионящий за личной жизнью ребёнка.jpg

Наведя порядок в своих тайных делишках, он наконец покинул комнату Гу Се в отличном настроении — и, спустившись вниз, увидел, что вернулся Гу Цзычэн.

Из-за оценок Гу Цзычэна и Гу Чуаня задержали в школе для разбирательства, и когда Гу Цзычэн вернулся, обнаружил на полу обрывки праздничного убранства — глаза его тут же покраснели.

Шэнь Сюйбай праздновал день рождения Гу Се.

Такое отношение прежде принадлежало ему одному. Тем более что именно он, а не кто-то другой, показал хорошие результаты.

Сжимая табель с оценками, он подошёл ближе, изо всех сил сдерживая эмоции:

— Дядя, у меня три сотни баллов.

Шэнь Сюйбай неторопливо взял листок, бросил взгляд:

— А.

И больше никак не отреагировал — развернулся, собираясь уйти.

— Это несправедливо.

Гу Се как раз обнаружил, что Шэнь Сюйбай забыл на столе телефон, и бросился следом за ним. Дойдя до лестничной площадки, он услышал, как Гу Цзычэн выкрикнул срывающимся голосом:

— Это несправедливо!

Гу Се замер на месте.

— Ведь это я сдал лучше него, я ведь не сделал ничего плохого — почему вы добры только к нему?! Ещё и день рождения ему устроили!

Шэнь Сюйбай безучастно обернулся и посмотрел на Гу Цзычэна. Взгляд его был холоден, почти бесчеловечен.

Гу Цзычэн долго сдерживался, снова и снова всё обдумывал, и наконец на его лице проступила крайняя обида:

— Дядя, в чём я виноват? Почему вы даже смотреть на меня не желаете? К нему вы так добры — а почему со мной иначе? Я ведь ничем перед вами не провинился.

Гу Цзычэн играл ва-банк: Шэнь Сюйбай ведь не знал, что он тоже переродился. Сейчас он был всего лишь ребёнком — и рассчитывал, что сердце Шэнь Сюйбая дрогнет, и тот решит дать ему ещё один шанс, снова взявшись его воспитывать.

Шэнь Сюйбай смотрел на ещё не выросшего главного героя и понимал: неравное отношение было слишком очевидным, и Гу Цзычэн это заметил.

Но что с того?

Он лениво протянул:

— Один хороший результат не значит, что так будет всегда.

Гу Цзычэн сжал кулаки:

— А если я буду лучше Гу Се, если стану превосходить его каждый раз — тогда вы заметите меня, да?

— Я такого не говорил.

Но Гу Цзычэн будто ухватился за нечто важное и с обидой в голосе выпалил:

— Я заставлю вас увидеть! Вы поймёте, какой хлам вы выбрали, а кто на самом деле лучший!

Шэнь Сюйбай невольно приподнял бровь.

Это что, вызов на бой? Неужели мальчишка правда думает, будто без него не найдётся, кому унаследовать состояние?

Шэнь Сюйбай холодно усмехнулся:

— Что ж, отлично. Дядя подождёт.

Последнее время текло слишком спокойно — Шэнь Сюйбай почти забыл, как именно умер в прошлой жизни. Но во взгляде Гу Цзычэна сейчас читалось что-то необычное. По логике вещей, они виделись всего пару раз — с чего бы мальчику так дорожить его мнением?

Гу Цзычэн был немного старше Гу Се — в этом году ему тоже исполнилось двенадцать.

Для ребёнка этого возраста, только что попавшего в незнакомую обстановку, вести себя тихо, не капризничать, наперебой стараться угодить и жадно добиваться его одобрения — само по себе странно.

Шэнь Сюйбай, засунув руки в карманы, улыбнулся мягко и участливо:

— Дядя будет ждать.

Не обращая внимания на обжигающий взгляд Гу Цзычэна за спиной, Шэнь Сюйбай развернулся — и в углу заметил краешек одежды. Тот, кому она принадлежала, при виде его движения поспешно отпрянул назад.

Шэнь Сюйбай на миг замер: сколько же этот мальчишка успел подслушать?

Впрочем, тут же подумал он: даже если объясниться, поверит ли Гу Се? А если начать оправдываться, сам же окажешься в невыгодном положении.

Шэнь Сюйбай прищурился. Да и в этот раз Гу Се действительно сдал хуже Гу Цзычэна — так почему бы не подкинуть ему немного давления?

Что до Гу Цзычэна — способов приструнить его найдётся сколько угодно.

Он неожиданно развернулся и склонился перед Гу Цзычэном.

Тот на мгновение растерялся, сердце забилось чаще.

— Дядя и правда относится к тебе иначе, чем к Гу Се, — Шэнь Сюйбай мягко улыбнулся. — Потому что вы разные. Его я выбрал сам, с первого взгляда, а тебя семья Гу навязала мне силой. Конечно, я больше склоняюсь к нему, больше ценю его. Но, может, ты и прав — стоит дать тебе шанс.

Гу Цзычэн скривил губы, но внутри у него всё вскипело от волнения.

Шэнь Сюйбай поправил ему воротник, уголки глаз чуть приподнялись в довольной улыбке.

— Так что в следующий раз покажи дяде результаты получше.

<http://bllate.org/book/20125/1993093>